СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
„БЛАГО“

Э. К. Пименова.

Дни великаго переворота.

Очерки Великой Русской Революціи.

Съ иллюстраціями.

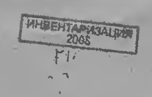
К-ВО „БЛАГО“
ПЕТРОГРАДЪ

Э. К. Пименова.

ДНИ ВЕЛИКАГО ПЕРЕВОРОТА ВЪ РОССІИ.

ОЧЕРКИ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „БЛАГО“
ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Тип. „БЛАГО“ Сайкинъ 13 с. д.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ:

Возставшія войска по пути къ Государственной Думѣ.

Войска передъ Таврическимъ дворцомъ.

Разгромленное зданіе охраннаго отдѣленія.

Разгромленный Литовскій замокъ.

Разгромленное зданіе полицейскаго участка.

Снимки съ подлинниковъ отреченія Николая II и отказа Михаила.

Портреты членовъ перваго революціоннаго Временнаго Правительства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первые признаки обвала.

„... Отголь сорвался разъ
обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ
упалъ..."
А. Пушкинъ.

Казалось, все произошло неожиданно. Какъ вихрь налетѣлъ громадный шквалъ и разбушевавшійся ураганъ уничтожилъ на своемъ пути всѣ преграды, сразу разрушивъ и превративъ въ груду щебня громадное зданіе русскаго самодержавія, простоявшее незыблемымъ больше трехъ вѣковъ.

Такова была картина русской революціи въ первые дни.

Еще утромъ, въ четвергъ, 23-го февраля, нельзя было предсказать того, что случилось. Улицы Петрограда представляли обычную, столь знакомую всѣмъ и каждому, картину. Вездѣ, около лавокъ, гдѣ продавался хлѣбъ, стояли длинные хвосты. Чуть не съ ночи забирались

сюда люди и простаивали часами на морозѣ, чтобы получить хоть фунтъ хлѣба, но въ хлѣбѣ уже чувствовался острый недостатокъ, и многіе такъ и уходили съ пустыми руками. Слышались негодующіе голоса, брань и ругательства по адресу начальства и лавочниковъ, кое-гдѣ побили стекла въ пекарняхъ, но о революціи какъ будто никто и не помышлялъ. Вопросъ о хлѣбѣ заслонялъ все остальное.

И вотъ, совершенно неожиданно, на улицахъ Петрограда народъ сталъ собираться толпами. Серьезныхъ нарушеній порядка еще не было, но кучки людей останавливали мѣстами трамваи и высаживали публику, не позволяя себѣ впрочемъ никакихъ насильственныхъ дѣйствій. Нсюду раздавался одинъ и тотъ же жуткій возгласъ: «Хлѣба!... Хлѣба!...»

Это была какъ-бы «голодная манифестація».

Но было бы ошибочно думать, что великія событія въ Россіи,—великія даже съ міровой точки зрѣнія,—произошли въ самомъ дѣлѣ внезапно, хотя съ внѣшней стороны все въ Россіи шло обычнымъ порядкомъ и трудно было ожидать какихъ либо серьезныхъ и важныхъ потрясеній. Однако, непоправимыя бѣдствія разрухи уже ощущались всѣми, и въ странѣ распространялись всевозможные, подчасъ невѣроятные и нелѣпые слухи, которые вселяли тревогу въ душу мирныхъ обывателей. Вотъ что, по этому поводу, было написано въ одной изъ провинціальныхъ газетъ, въ корреспонденціи изъ Петрограда отъ 9-го февраля: «Петроградъ переполненъ всевозможными, противорѣчивыми и таинственными слухами. Говорятъ, готовится что то. Но кто готовитъ, почему, зачѣмъ,—никто не знаетъ! Однако, ка-

ждый ждетъ чего-то и запасается провизіей, какой можетъ, изъ боязни, что нельзя будетъ выходить на улицу...»

Такое тревожное настроеніе и обиліе слуховъ, неизвѣстно какъ и гдѣ зарождавшихся, несомнѣнно, указывало, что приближается какой то кризисъ, но что этотъ кризисъ будетъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Россіи,— этого не предвидѣли даже тѣ, кто опасался революціи и готовился бороться съ ней обычными мѣрами. Правительство дѣлало все то же, что и всегда: усиливало штаты полиціи, обучало стражниковъ стрѣльбѣ изъ пулеметовъ и устроило во всѣхъ участкахъ склады оружія. Разумѣется усилена была цензура, закрывались и облагались штрафами газеты, запрещались съѣзды, разгонялись собранія, производились аресты... Но какъ все это было знакомо гражданамъ Россіи! Это были обычные способы правительства «мирной» борьбы съ революціоннымъ настроеніемъ, пока не наступитъ моментъ и оно не найдетъ нужнымъ пустить въ ходъ оружіе...

Такой моментъ скоро наступилъ.

Рабочіе въ Петроградѣ давно уже начали волноваться. Они хотѣли идти къ Государственной Думѣ, въ день ея открытія—14-го февраля, чтобы потребовать смѣны правительства. Но это намѣреніе имъ не удалось привести въ исполненіе. Вся полиція была поставлена на ноги, на всѣхъ заводахъ были разставлены пулеметы, и гдѣ только собирались кучки рабочихъ, ихъ тотчасъ же разгоняли. И то, что ихъ можно было такъ легко разгонять сначала, укрѣпляло увѣренность правительства, что ихъ нечего бояться и что настоящей революціи не можетъ быть въ

Россіи, потому что народъ и войско стоятъ за царя и не пойдутъ противъ правительства. Какимъ роковымъ оказалось для нихъ это заблужденіе—показало недалекое будущее.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гроза приближается.

Тихо и жутко было въ Петроградѣ въ дни, непосредственно предшествовашіе революціи. На государственный переворотъ, на перемѣну къ лучшему никто не надѣялся, но всѣ испытывали смутную тревогу, и это ощущеніе можно сравнить съ тѣмъ, которое испытываютъ нѣкоторые люди передъ наступленіемъ грозы.

Въ собравшейся Думѣ настроеніе было довольно унылое, но не произошло ничего такого, что могло бы внушить тревогу правительству. Въ рѣчахъ депутатовъ повторялся все тотъ же припѣвъ: «Такъ дальше идти не можетъ!.. Съ такимъ правительствомъ работать нельзя!..» и даже членъ крайней правой, Пуришкевичъ, заявилъ, что онъ признаетъ безцѣльность думскихъ рѣчей и безнадежность работы Думы.—Никакая работа Думы, никакія рѣчи въ ней ничему не помогутъ! — сказалъ онъ.—Но все оставалось по прежнему. Министръ Протопоповъ получилъ отъ губернаторовъ успокоительныя сообщенія, что нигдѣ, въ провинціи, не замѣчается особеннаго интереса къ Думѣ и особеннаго вниманія

къ думскимъ рѣчамъ. Значитъ, все благополучно. И казалось, что четвертая Дума закончитъ свое существованіе безславно и незамѣтно.

Однако, 24-го февраля, въ пятницу, уже послышались первые раскаты революціоннаго грома.

Наканунѣ стало извѣстно, что по всему городу разставлена вооруженная полиція и нѣкоторыя части войскъ, на вѣрность которыхъ начальство считало себя вправѣ разсчитывать. И хотя всѣ знали про эти приготовленія, но они какъ то никого больше не пугали. Что будетъ— никто не зналъ, но всѣ чувствовали уже приближеніе грозы.

Съ утра остановилась работа на заводахъ и народъ собирался большими толпами на улицахъ. Полиція много разъ принималась разгонять толпу, но оружія въ ходъ еще не пускала. Казаки, драгуны и другія части войскъ добродушно убѣждали толпу разойтись, но никого не трогали и въ толпѣ быстро распространилось убѣжденіе, что солдаты не будутъ стрѣлять въ народъ.

— Развѣ можно стрѣлять въ голодныхыъ. Вѣдь мы только хлѣба просимъ!..—слышались голоса. Но къ этимъ возгласамъ уже кое гдѣ примѣшивались крики: «Долой правительство!»

Къ вечеру, въ пятницу, раздались первые выстрѣлы. У Городской Думы собралась толпа, состоялся митингъ и выстрѣлами было убито двѣнадцать человѣкъ, а ранены были многіе. Толпа сначала разсѣялась, но потомъ собралась снова въ еще большемъ числѣ. Уже раздавались революціонныя пѣсни. Казаковъ, направлявшихся къ Казанской площади, запру-

женной густыми массами народа, толпа встрѣтила криками «ура!». Другихъ столкновеній въ этотъ день не произошло, но волненія перекинулись на окраины. Полицію не слушали и кое-гдѣ вступали съ нею въ борьбу. Почти всю ночь собирались кучки народа. Возбужденіе росло.

Поздно вечеромъ въ пятницу состоялось экстренное засѣданіе Совѣта Министровъ въ Маріинскомъ дворцѣ. Правительство, увѣренное что все дѣло въ «хлѣбѣ», совѣщалось о мѣрахъ къ облегченію продовольствія Петрограда. Министръ Земледѣлія Риттихъ заявилъ, что имѣющіеся въ Петроградѣ запасы муки и тѣ, которые должны прибыть въ скоромъ времени, вполнѣ достаточны для продовольствія населенія столицы, поэтому нѣтъ основаній опасаться, что столица останется безъ хлѣба.

Говорили много и долго, но никому изъ участвовавшихъ въ этомъ совѣщаніи министровъ и представителей Государственнаго Совѣта, Государственной Думы, Городской Думы и земства не приходило въ голову, что кризисъ гораздо болѣе глубокъ и опасенъ, чѣмъ они предполагаютъ, что назрѣваетъ революція и «хлѣбъ» только послѣдняя капля, которая заставитъ пролиться переполненный до верху сосудъ народнаго негодованія.

Въ близость революціи никто не вѣрилъ. Ея боялись, какъ боятся бушующаго урагана, но это былъ смутный неопредѣленный страхъ Преобладало убѣжденіе, что она можетъ наступить лишь послѣ войны и тогда будетъ анархія...

Не вѣрилъ въ русскую революцію и министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ, бывшій това-

рищъ предсѣдателя Государственной Думы. Онъ не участвовалъ въ вечернемъ совѣщанiи по продовольственному вопросу. Говорятъ, что его подозрѣвали въ желанiи нарочно вызвать безпорядки. Онъ уже получилъ высочайшую благодарность «за предупрежденiе и пресѣченiе безпорядковъ 14-го февраля»,—которыхъ, къ слову сказать, не было,—а теперь хотѣлъ получить другую, болѣе серьезную благодарность, за подавленiе уличнаго движенiя. Говорили также, что онъ хочетъ создать поводъ для сепаратнаго мира. Такъ ли это было—сказать трудно, но что онъ имѣлъ въ виду пролитiе крови, на это указываютъ принятыя имъ мѣры, установка пулеметовъ въ разныхъ мѣстахъ, устройство засады полицейскихъ и обѣщанiе имъ огромныхъ наградъ за подавленiе бунта. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, членъ Государственнаго Совѣта, разсказалъ мнѣ, что когда въ Совѣтѣ Министровъ былъ поднятъ вопросъ о подавленiи силою оружiя могущихъ возникнуть безпорядковъ, то возникли горячiе споры. Большинство министровъ опасались кровопролитiя, но Протопоповъ и военный министръ Бѣляевъ настаивали на необходимости небольшого кровопусканiя. Развѣ не помогло оно въ 1905 году? А командующiй войсками Петроградскаго военнаго округа, генералъ Хабаловъ, торжественно объявилъ:

— Надо спасти династiю, хотя бы пришлось для этого потопить въ крови Петроградъ!

На войска надѣялись. Вѣдь столько разъ солдаты были послушнымъ орудiемъ въ рукахъ правительства и, безпрекословно повинуясь начальству, стрѣляли въ безоружный народъ!..

Совѣщанiе министровъ по вопросу о продо-

вольствіи, происходившее вечеромъ въ Маріинскомъ дворцѣ, пришло къ *единогласному* заключенію,—какъ объ этомъ было сообщено газетамъ,—о необходимости немедленно передать завѣдываніе продовольствіемъ Петрограда городскому общественному управленію. Съ этою цѣлью будетъ проведенъ въ Государственной Думѣ, въ спѣшномъ порядкѣ, законопроектъ о расширеніи на время войны полномочій городскихъ общественныхъ управленій для предоставленія имъ права урегулировать продовольственное дѣло.

А тѣмъ временемъ въ хлѣбѣ ощущался острый недостатокъ и Петроградъ продолжалъ волноваться. Мало кто спалъ въ эту ночь...

Въ субботу, 25-го февраля, съ утра уже Петроградъ принялъ видъ осажденнаго города. Трамваи не ходили. Въ центрѣ всѣ магазины и лавки были закрыты и весь городъ былъ раздѣленъ на участки, во главѣ которыхъ были поставлены командиры полковъ. На окраинахъ и у отдѣльныхъ заводовъ была усилена военная охрана.

Толпы рабочихъ съ окраинъ направились къ Невскому. Конечно, ихъ старались не пускать туда. На всѣхъ мостахъ черезъ Неву и на главныхъ улицахъ стояли цѣпи городовыхъ и солдатъ. Но рабочіе пробирались окольными путями, шли по льду черезъ Неву и все таки попадали на Невскій.

Первая кровь въ этотъ день была пролита на Васильевскомъ островѣ, у трубочнаго завода: офицеръ убилъ рабочаго, обратившагося съ рѣчью къ солдатамъ. Въ общемъ, однако, солдаты довольно дружелюбно относились къ толпѣ и очевидно не хотѣли пускать въ ходъ

оружія, пока ихъ не принудитъ къ тому начальство. И у народа все болѣе и болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что солдаты не пойдутъ противъ народа, не будутъ стрѣлять въ него.

Огромная толпа рабочихъ направилась съ Выборгской стороны къ Невѣ, гдѣ ихъ уже ждала полиція и солдаты, подъ командой полиціймейстера Шалфѣева, который тотчасъ же приказалъ открыть стрѣльбу, какъ только рабочіе приближались. Два офицера, командовавшіе отрядами, заспорили. Одинъ соглашался отдать приказъ солдатамъ стрѣлять въ рабочихъ, другой—нѣтъ. Солдаты же въ ожиданіи приказа не стрѣляли. Между тѣмъ рабочіе подходили все ближе. Тогда Шалфѣевъ самъ, во главѣ полицейскихъ, бросился на толпу, но рабочіе, не имѣвшіе другого оружія, похватали на набережной куски льда и полѣнья и градомъ забросали полицейскихъ. Шалфѣевъ упалъ съ разбитой головой, а полицейскіе разбѣжались.

Толпа рабочихъ направилась къ Невскому, который уже былъ запруженъ народомъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже замелькали красные флаги, появились плакаты съ надписями: «Долой царское правительство!» Но оружія у толпы не было и она шла дружно, плечомъ къ плечу, съ пѣснями, по Невскому проспекту.

На Знаменской площади, заполненной густыми массами народа, образовалось нѣчто въ родѣ митинга. Кто то влѣзъ на памятникъ Александра III, всталъ на крупѣ лошади и развернулъ красный флагъ. Онъ что то говорилъ толпѣ, но что—разобрать было невозможно. Да суть была не въ словахъ, а въ его позѣ, въ выкинутомъ имъ красномъ флагѣ...

Толпа загудѣла. И вотъ произошло нѣчто неожиданное, невѣроятное, первый предвѣстникъ того, что скоро должно было мощнымъ потокомъ разлиться по всѣмъ улицамъ столицы и сокрушить всѣ преграды.

Приставъ приказалъ полицейскимъ обнажить шашки и броситься на толпу. Тутъ же стоялъ отрядъ казаковъ. Говорятъ, кто то крикнулъ имъ: «Братцы! заступитесь!..»—Такъ ли это было—не знаю, но казаки дѣйствительно заступились за безоружную толпу, прогнали полицейскихъ. Приставъ былъ убитъ.

И это было началомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Все по старому.

Несмотря на эти надвигающіяся громадныя событія, въ Государственной Думѣ, въ субботу 25-го февраля, состоялось общее засѣданіе, въ которомъ произносились обычныя рѣчи. Министръ земледѣлія Риттихъ подтвердилъ, что правительство окажетъ полнѣйшее содѣйствіе скорѣйшему проведенію законопроекта о передачѣ продовольственнаго дѣла городскому общественному управленію. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Щегловитовъ тоже обѣщалъ «свое содѣйствіе». Намѣчалось даже нѣчто вродѣ дѣлового сотрудничества нѣсколькихъ министровъ съ Думою и Совѣтомъ. Въ угоду общественному мнѣнію Протопоповъ былъ исключенъ изъ этого сотрудничества. Другіе же министры, и въ томъ числѣ военный министръ Бѣляевъ, были признаны «заслуживающими довѣрія общества».

Какъ далеки они всѣ были отъ революціи!..

На основаніи такого рѣшенія правительства въ Центральномъ военнопромышленномъ комитетѣ собрались вечеромъ продовольственная комиссія въ составѣ представителей больничныхъ кассъ, кооперативовъ и выборныхъ отъ рабочихъ. И вотъ, по старому. туда явился приставъ Литейной части, съ сильнымъ нарядомъ полиціи

и солдатами и предъявилъ бумагу о задержанiи всѣхъ присутствующихъ. Повторилась сказка про бѣлаго бычка. Правительство, Дума и Государственный Совѣтъ какъ будто пришли къ единодушному рѣшенiю вопроса. Но не все ли равно! Полицiя продолжала дѣлать свое дѣло. Выборные отъ рабочихъ были арестованы. Развѣ можно было позволить имъ собираться для обсужденiя хотя бы только продовольственнаго вопроса?

Въ это же время въ Городской Думѣ происходило большое собранiе гласныхъ, вмѣстѣ съ членами Государственной Думы, общественными дѣятелями и представителями отъ рабочихъ. Всѣ были взволнованы, но общее настроенiе было удрученное, потому что за стѣной уже лежали убитые. Въ революцiю опять таки никто не вѣрилъ и всѣ съ душевной тоской и трепетомъ ждали кроваваго подавленiя безпорядковъ. И вторая революцiя будетъ такъ же подавлена, какъ и первая. Войска, конечно, будутъ стрѣлять...

Керенскiй сообщилъ въ Городской Думѣ объ арестѣ представителей рабочихъ въ помѣщенiи Военно-Промышленнаго комитета. Гучковъ уже ѣздилъ для личныхъ переговоровъ по этому поводу къ градоначальнику, но не засталъ его дома, потому что онъ уѣхалъ съ докладомъ къ предсѣдателю Совѣта Министровъ князю Голицыну. Помощникъ градоначальника Вендорфъ не далъ по этому поводу никакихъ опредѣленныхъ разъясненiй.

По настоянiю присутствовавшихъ въ собранiи Городской Думы городской голова Леляновъ, вмѣстѣ съ А. И. Шингаревымъ, обратились для выясненiя причинъ ареста къ предсѣ-

дателю Совѣта Министровъ князю Голицыну. Князь Голицынъ отвѣчалъ, что ему «ничего неизвѣстно» и что онъ запроситъ объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова. Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко обратился къ военному министру Бѣляеву. Но и отъ него ничего не добился. Рабочіе продолжали сидѣть подъ арестомъ.

Эти безполезные переговоры съ министрами затянулись до глубокой ночи и результатовъ никакихъ не имѣли. Между тѣмъ уже тогда былъ подписанъ царемъ и скрѣпленъ подписью предсѣдателя князя Голицына указъ о роспускѣ Государственной Думы. Значитъ, рѣшеніе распустить Думу было принято въ то время, когда еще шли переговоры о законопроектѣ, относительно котораго какъ будто произошло единодушное соглашеніе между правительствомъ, Думой и Совѣтомъ! Правительство по прежнему вело двойную игру, обманывало и депутатовъ и предсѣдателя Государственной Думы, которые вели переговоры съ министрами по поводу ареста рабочихъ. Указъ о роспускѣ Думы лежалъ въ карманѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ, но князь Голицынъ не обмолвился о немъ ни единымъ словомъ. Депутаты Государственной Думы собирались приступить къ обсужденію законопроекта по продовольствію, словно не понимая того, что дѣлается и того, что они снова займутся толченіемъ воды. Что пользы привлекать къ работѣ общественныя и народныя силы, когда они могутъ въ любую минуту быть арестованы и отправлены въ тюрьму!

Но развернувшіяся событія скоро все перевернули вверхъ дномъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Второе кровавое воскресенье.

Утромъ, въ воскресенье, 26-го февраля, на всѣхъ воротахъ и улицахъ Петрограда было расклеено слѣдующее объявленіе генерала Хабалова:

«Послѣдніе дни въ Петроградѣ произошли безпорядки, сопровождавшіеся насиліями и посягательствами на жизнь воинскихъ и полицейскихъ чиновъ.

«Воспрещаю всякое скопленіе на улицахъ.

«Предваряю населеніе Петрограда, что мною подтверждено войскамъ употреблять въ дѣло оружіе, не останавливаясь ни передъ чѣмъ для водворенія порядка въ столицѣ.

«Командующій войсками Петроградскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ Хабаловъ».

Несмотря на грозный тонъ такого приказа, напоминающаго знаменитый приказъ генерала Трепова: «Патроновъ не жалѣть!«—въ городѣ не было замѣтно особеннаго безпокойства. Хотя по угламъ улицъ были разставлены пикеты, но они не мѣшали движенію. Трамваи не ходили и извозчиковъ не было видно. На Невскій пропускали свободно и такъ какъ день былъ

солнечный, хорошій, то по Невскому двигались толпы гуляющихъ, среди которыхъ были и нарядныя дамы, офицеры, раненые солдаты, чиновники и простыя женщины съ дѣтьми, словомъ—разные люди, пользующіеся хорошей погодой для прогулки. Рабочихъ среди этой гуляющей публики было мало.

Между тѣмъ на улицы Петрограда были уже двинуты войска. На крышахъ и чердакахъ засѣли городовые съ пулеметами, согласно заранѣе составленному плану Протопопова. Но этого не знала безпечная праздничная публика, гуляющая по Невскому. Вѣдь въ этотъ день никакихъ безпорядковъ и сборищъ еще не было и никто не ожидалъ, что начнется кровавое подавленіе.

Около трехъ часовъ по Невскому промчались автомобили съ пулеметами и вскорѣ послѣ того, вдоль по Невскому, раздались выстрѣлы. Всѣ бросились бѣжать въ боковыя улицы, не понимая что произошло, откуда стрѣляли! Эта часть Невскаго быстро опустѣла, а раненыхъ и убитыхъ подобрали кареты скорой помощи. Но опять раздался залпъ, на этотъ разъ въ противоположную сторону. Публика шарахнулась. Опять убитые и раненые, и среди нихъ женщины и дѣти...

Кто стрѣлялъ, зачѣмъ? Оставшаяся на Невскомъ публика въ страхѣ жалась къ стѣнамъ домовъ. Стрѣльба продолжалась, какъ будто Петроградъ осаждалъ непріятель. Это стрѣляла учебная команда Павловскаго полка. Словно въ траншеяхъ передъ непріятелемъ, солдаты залегли цѣпью, на углахъ улицъ, пересѣкающихъ Невскій, и стрѣляли во всѣ стороны, вдоль и поперекъ. Имъ приказано было залечь,

чтобы труднѣе было стрѣлять въ воздухъ. Городовые тоже старались заслужить обѣщанную награду и разстрѣливали даже случайныхъ прохожихъ.

Тѣмъ временемъ депутаты Государственной Думы занимались въ комиссіи обсужденіемъ все того же законопроекта «о передачѣ продовольственнаго дѣла городскимъ и земскимъ общественнымъ управленіямъ!...». Большинство Государственной Думы считало для себя обязательнымъ не выходить изъ рамокъ, установленныхъ Положеніемъ о Государственной Думѣ. А на Невскомъ разстрѣлы продолжались...

Депутаты были взволнованы и постоянно справлялись по телефону о событіяхъ въ городѣ. Предсѣдатель Думы сносился по телефону съ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и съ высшими военными властями. Но обсужденіе законопроекта о продовольствіи продолжалось своимъ чередомъ и въ этомъ обсужденіи участвовали представители разныхъ вѣдомствъ. На Невскомъ лилась кровь, а эти представители подтверждали «твердое намѣреніе правительства содѣйствовать скорѣйшему прохожденію законопроекта!!.»

Это происходило днемъ, 26-го февраля, въ Государственной Думѣ, указъ о роспускѣ которой былъ уже подписанъ, но еще не опубликованъ и не былъ извѣстенъ депутатамъ.

Революція подвигалась быстрыми шагами, но слѣпые и глухіе не видѣли и не слышали ея приближенія.

Оставаться дома, въ бездѣйствіи, было немыслимо, и я вышла на улицу. Меня обогналъ какой то господинъ въ котелкѣ и рядомъ съ нимъ

плачущая женщина. Обрывки разговора долетѣли до меня.

— Вотъ твои солдаты!.. Хороши!..—укорялъ онъ ее.—Ты говорила: не будутъ стрѣлять! Какъ бы не такъ? Вонъ они палятъ... Словно въ нѣмца!..

— И не будутъ потомъ. Вотъ увидите завтра!—плача возражала она.

Дальше какой то рабочій съ жаромъ доказывалъ солдату:

— Что же мы враги, что ли? Свой народъ вѣдь? Можно развѣ стрѣлять? Это правительство выдумало внутренняго врага! А мы—народъ, русскій народъ, понимаешь?

— По началу нельзя,—смущенно оправдывался солдатъ.—Приказъ... Опосля не будемъ...

— Опосля, опосля!—передразнилъ его рабочій.—Не разгоните вы насъ. Не таковскіе!..

Недалеко отъ Невскаго встрѣчаю знакомаго. Лицо блѣдное, губы трясутся, рукавъ пальто въ крови.

— Вы ранены?—спрашиваю я съ испугомъ.

— Нѣтъ... это чужая кровь,—отвѣчалъ онъ и смущенно прибавилъ:—я поползъ... по совѣту солдатъ. И вотъ... попалъ, должно быть...

Онъ испуганно озирался на свой окровавленный рукавъ. Мною тоже овладѣло жуткое чувство. Чья эта кровь, чья?..

Встрѣчныя женщины, перепуганныя и взволнованныя, разсказали, намъ, что между солдатами произошла схватка. Старые солдаты Павловскаго полка, запертые въ казармахъ, вслѣдствіе недовѣрія къ нимъ начальства,—вырвались на улицу и бросились на молодыхъ солдатъ учебной команды, стрѣлявшихъ въ народъ. Это впослѣдствіи подтвердилось.

Только поздно ночью Родзянко узналъ, что Дума распущена указомъ и будетъ созвана вновь «въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ»..

Трудно было не видѣть опасности. Пресловутое средство, къ которому всегда прибѣгало правительство въ случаѣ революціоннаго возбужденія народа, на этотъ разъ оказалось недѣйствительнымъ. Кровопусканіе не помогло, не умѣрило революціоннаго пыла и скорѣе даже разожгло его. А тутъ еще роспускъ Думы!..

И вечеромъ въ этотъ страшный день Родзянко послалъ свою первую телеграмму царю. Она была слѣдующаго содержанія:

«Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ, продовольствіе и топливо пришли въ полное разстройство. Растетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Частью войска стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на Вѣнценосца».

Одновременно съ этой телеграммой, Родзянко послалъ телеграммы главнокомандующимъ фронтами и къ генералу Алексѣеву, съ просьбой поддержать его обращеніе къ царю.

Только поздно ночью прекратилась стрѣльба, улицы опустѣли, но мало кто спалъ въ эту ночь въ Петроградѣ. Волненіе и гнѣвъ разгорались, и въ эту ночь былъ вынесенъ приговоръ царскому правительству и его прислужникамъ.

Такъ кончилось второе кровавое воскресенье.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Революція двигается.

Въ понедѣльникъ утромъ, 27-го февраля, мнѣ сообщили по телефону:

«Волынскій полкъ возсталъ... Командира убили...»

О томъ, какъ это произошло, разсказывали разно. На усмиреніе возставшаго Волынскаго полка былъ посланъ какой то другой полкъ. По телефону мнѣ говорили, что стрѣльба идетъ страшная съ обѣихъ сторонъ, но никто не падаетъ. Очевидно солдаты стрѣляютъ въ воздухъ...

Родзянко отправилъ вторую телеграмму царю:

«Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра уже будетъ поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи».

Эта телеграмма была отправлена утромъ, но уже около часу дня въ Таврическій дворецъ явилась делегація отъ возставшихъ полковъ: Волынскаго, Преображенскаго, Литовскаго, Кегсгольмскаго и сапернаго батальона. Эта делегація пришла за тѣмъ, чтобы узнать какую позицію намѣрена занять Государственная Дума.

Родзянко сообщилъ, что Дума не подчини-

лась указу о роспускѣ, въ противоположность Государственному Совѣту, который подчинился ему. Депутаты Думы остаются на своихъ мѣстахъ.

— Но что же она намѣрена дѣлать дальше?— спрашивали делегаты.

Родзянко показалъ имъ обѣ телеграммы, посланныя царю, и кромѣ того, передалъ слѣдующее, единогласно принятое постановленіе совѣта старѣйшинъ:

«Основнымъ лозунгомъ момента является упраздненіе старой власти и замѣна ея новой. Въ дѣлѣ осуществленія этого Государственная Дума приметъ живѣйшее участіе. Но для этого прежде всего необходимы порядокъ и спокойствіе...»

Делегація такъ и не узнала въ этотъ разъ, кто замѣнитъ старую власть новой!..

Еще утромъ въ этотъ день возставшіе солдаты завладѣли арсеналомъ и главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ, а около двухъ часовъ дня сильные отряды революціонной арміи, въ сопровожденіи вооруженнаго народа подошли къ зданію Государственной Думы. Это была огромная и грозная толпа и въ Думѣ произошло замѣшательство. Но къ толпѣ вышли члены Государственной Думы Чхеидзе, Керенскій и Скобелевъ и тотчасъ же въ толпѣ раздалось громкое «ура!» Народъ призналъ своихъ депутатовъ и привѣтствовалъ ихъ. Руководители возставшихъ тотчасъ же сняли караулъ у Таврическаго дворца, взяли на себя охрану Думы, заняли почту и телеграфъ въ зданіи Думы и поставили часовыхъ у телефонныхъ аппаратовъ.

Тотчасъ же, подъ предсѣдательствомъ Родзянко, состоялось засѣданіе Думы. На обсужде-

ніе былъ поставленъ вопросъ объ организаціи временнаго комитета для поддержанія порядка въ городѣ и для сношенія съ различными учрежденіями и лицами. Выборъ временнаго комитета поручено было произвести совѣту старѣйшинъ.

Временный комитетъ образовался изъ наиболѣе видныхъ представителей разныхъ фракцій. Въ него вошли слѣдующія лица: М. В. Родзянко; Н. В. Некрасовъ; А. И. Коноваловъ; И. И. Дмитрюковъ; А. Ф. Керенскій; Н. С. Чхеидзе; В. В. Шульгинъ; С. И. Шидловскій; П. Н. Милюковъ; М. А. Карауловъ; В. Н. Львовъ; В. А. Ржевскій; всего—12 человѣкъ.

По предложенію комитета обязанности коменданта возставшаго петроградскаго гарнизона принялъ на себя полковникъ Генеральнаго Штаба, членъ Государственной Думы Б. А. Энгельгардтъ, который и вступилъ въ эту должность въ часъ ночи на 28-е февраля.

Несмотря на глубокое различіе политическихъ взглядовъ и соціальныхъ идеаловъ членовъ Временнаго Комитета Государственной Думы, между ними достигнуто было полное единеніе въ эту трудную минуту и надо отдать справедливость членамъ умѣренныхъ группъ Государственной Думы, что они сознали необходимость отказа отъ своихъ прежнихъ политическихъ убѣжденій. Медлить было нельзя, надо было идти и они пошли, куда ихъ влекли событія.

А событія развертывались быстро. Весь Петроградъ былъ охваченъ революціоннымъ пожаромъ и число возставшихъ воинскихъ частей увеличивалось съ каждымъ часомъ. Нѣкоторые полки переходили на сторону революціи вмѣстѣ со всѣмъ офицерскимъ составомъ.

Стрѣльба не прекращалась. Трещали пулеметы, раздавались ружейные залпы и даже изрѣдка слышались пушечные выстрѣлы. Горѣлъ окружный судъ, горѣлъ Литовскій замокъ, сжигались и разрушались полицейскіе участки, громили Охранное отдѣленіе, департаментъ тайной полиціи... Изъ тюремъ были выпущены заключенные. Къ утру слѣдующаго дня весь Петроградъ уже находился во власти революціонеровъ.

Пока происходили выборы Временнаго Комитета, въ Таврическомъ дворцѣ собрались рабочіе, солдаты, общественные дѣятели. Состоялось собраніе, на которомъ былъ спѣшно избранъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Онъ взялъ въ свои руки власть и тотчасъ же позаботился о томъ, чтобы накормить возставшихъ солдатъ, которые съ утра ничего не ѣли. Совѣтъ обратился къ населенію съ просьбой дать солдатамъ пищу, «какая у кого найдется!»

Затѣмъ совѣтъ обратился къ возставшимъ войскамъ съ предложеніемъ избрать своихъ представителей, по одному отъ каждой роты, и прислать ихъ на вечернее засѣданіе совѣта рабочихъ депутатовъ. Ночью состоялось и засѣданіе Временнаго Комитета. Онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе, государственнаго и общественнаго порядка и вмѣстѣ съ этимъ—трудную задачу организаціи новой власти, новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и поэтому могущаго пользоваться его довѣріемъ. Слѣдовательно исполнительная власть перешла къ Думѣ. Событія, развернувшіяся съ головокружительной быстротой, вынесли робкую Государственную Думу на революціонный путь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Крушеніе монархіи.

Когда въ 1848 году произошла въ Парижѣ революція и король Людовикъ Филиппъ бѣжалъ, то одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ писателей высказалъ мнѣніе, что «тронъ рушился вслѣдствіе образовавшейся вокругъ него пустоты». Пожалуй это можно сказать и про Николая II. Всѣ его министры и прислужники попрятались, кто куда.

Въ понедѣльникъ, въ часъ дня, предсѣдатель совѣта министровъ князь Голицынъ сообщилъ по телефону въ Государственную Думу, что имъ подано прошеніе объ отставкѣ. Тогда же получилось извѣстіе, что и другіе министры также подали въ отставку, а Протопоповъ «заболѣлъ». Ни у кого изъ этихъ ничтожныхъ людей не хватило даже простого мужества оставаться на своихъ мѣстахъ, отвѣчать за свои поступки, опираясь на свое чувство долга и убѣжденія. Они притаились и молчали. Молчалъ и царь.

Онъ не отвѣтилъ на двѣ телеграммы предсѣдателя Государственной Думы Родзянко. Не отвѣтилъ и на телеграмму членовъ Государственнаго Совѣта, умолявшихъ его одуматься, не

доводить народъ до крайности и смѣнить неугодныхъ народу министровъ.

Приближенные царя увѣряли, что это мутитъ кучка недовольныхъ. Достаточно одной роты солдатъ, чтобы разогнать революціонеровъ и съ безпорядками легко справятся Протопоповъ съ полиціей и генералъ Хабаловъ съ войсками.

Двинувъ резервные эшелоны на усмиреніе Петрограда, царь 28-го февраля выѣхалъ изъ ставки въ Царское село. Но узнавъ по дорогѣ, что царскосельскія войска всѣ перешли на сторону народа, и побоявшись попасть въ руки революціонеровъ, царь велѣлъ повернуть обратно и попалъ въ Псковъ.

Курьезнѣе всего, что когда уже весь петроградскій гарнизонъ перешелъ на сторону революціи и фактически старая власть перестала существовать, предсѣдатель совѣта министровъ князь Голицынъ, подавшій въ отставку въ часъ дня 27-го февраля, еще утромъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Вслѣдствіе болѣзни министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Протопопова, во временное исполненіе его должности вступитъ его товарищъ по принадлежности.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ князь Голицынъ.»

Это былъ послѣдній актъ старой власти.

Гдѣ находились министры—никто не зналъ. Очевидно, они притаились и выжидали, кто возьметъ верхъ. А пока офиціальное правительство какъ будто совершенно испарилось, исчезло и ничѣмъ не проявляло себя ни 27-го, ни 28-го числа. Оно перестало существовать и о немъ напоминали только засады городовыхъ, которые все еще старались, стрѣляя въ публику, да

расклеенные на стѣнахъ приказы генерала Хабалова.

Что же дѣлалъ въ это время царь? Повидимому онъ все еще думалъ, что ему удастся сохранить власть въ своихъ рукахъ и что революція будетъ подавлена. Онъ тоже не допускалъ мысли, что всѣ войска перейдутъ на сторону народа. Развѣ солдаты, бывшіе всегда послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, могутъ забыть о своей присягѣ царю? Такъ думалъ царь, и его приближенные поддерживали его.

Но наступилъ моментъ, когда и онъ заколебался. Вѣсти изъ Петрограда были неутѣшительныя. Революція не только не была подавлена, но охватила весь городъ, всѣ войска. День перваго марта онъ провелъ, не зная на что рѣшиться, а въ это время между Временнымъ Комитетомъ, который назывался теперь Исполнительнымъ Комитетомъ, и главнокомандующими происходили переговоры о томъ, что надо указать царю на необходимость отречься отъ престола въ пользу своего сына Алексѣя.

Въ ночь съ перваго на второе марта царь самъ согласился исполнить то, о чемъ говорилъ Родзянко въ своихъ первыхъ двухъ телеграммахъ, т. е. поручить составленіе новаго правительства лицу, пользующемуся довѣріемъ страны. Порученіе это онъ далъ князю Львову и одновременно назначилъ Главнокомандующимъ великаго князя Николая Николаевича. И вотъ, пока до великаго князя дошло это повелѣніе, Исполнительный Комитетъ Думы въ согласіи съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ назначилъ Временное Правительство, во главѣ котораго былъ поставленъ все тотъ же князь Львовъ. По этому случаю произошло курьезное

недоразумѣніе. Въ штабѣ великаго князя не поняли того, что произошло и въ результатѣ послѣдовалъ приказъ Главнокомандующаго великаго князя по арміи и флоту, гдѣ говорилось, что «Государь Императоръ назначилъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, *отвѣтственнаго* передъ народными представителями, князя Львова». Затѣмъ переименовывались остальные министры, члены Временнаго Правительства, и заявлялось, что по всѣмъ надлежащимъ вопросамъ слѣдуетъ сноситься съ новымъ правительствомъ.

Выходило такъ, какъ будто царская власть назначила революціонное Временное Правительство и объ этомъ было объявлено въ приказѣ по арміи и флоту, отъ 2-го марта.

Временное Правительство было образовано и переговоры объ этомъ были закончены. П. Н. Милюковъ, со спискомъ новыхъ министровъ въ рукахъ, вышелъ въ Екатерининскій залъ и обратился къ собравшимся морякамъ, солдатамъ и гражданамъ съ рѣчью, въ которой сообщилъ имъ о состоявшимся рѣшеніи. Имена министровъ не встрѣтили никакихъ возраженій. Его спросили о программѣ новаго правительства, но онъ отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ сейчасъ прочесть ее, такъ какъ она находится на разсмотрѣніи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

— А династія? — спросили его.

— Вы спрашиваете о династіи?—сказалъ онъ. —Я знаю напередъ, что мой отвѣтъ не всѣхъ васъ удовлетворитъ, но я все таки скажу его. Старый деспотъ, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется отъ престола или будетъ низложенъ (*продолжительныя руко-*

плесканія)... Власть перейдетъ къ регенту, великому князю Михаилу Александровичу (*сильный продолжительный шумъ и негодующіе крики «Долой Романовыхъ! Долой великихъ князей! это старая династія!*)... Да, господа, это старая династія, которую, можетъ быть, не любите вы, а, можетъ быть, не люблю и я. Но дѣло сейчасъ не въ томъ, кто что любитъ. Мы не можемъ оставить безъ отвѣта и рѣшенія вопросъ о формѣ государственнаго строя. Мы представляемъ его себѣ какъ парламентскую и конституціонную монархію (*страшный шумъ и крики: «Не надо монарховъ!.. Да здравствуетъ республика!..*) Быть можетъ, другіе представляютъ себѣ иначе, но теперь, если мы будемъ объ этомъ спорить, вмѣсто того, чтобы сразу рѣшить, то Россія очутится въ состояніи гражданской войны, и возродится только что разрушенный режимъ. Этого мы сдѣлать не имѣемъ права ни передъ вами, ни передъ собой. Однако, это не значитъ, чтобы мы рѣшили вопросъ безконтрольно. Въ нашей программѣ вы найдете пунктъ, согласно которому, какъ только пройдетъ опасность и водворится прочный порядокъ, мы приступимъ къ подготовкѣ созыва Учредительнаго Собранія (*бурные апплодисменты*), созваннаго на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Свободно избранное народное представительство рѣшитъ, кто вѣрнѣе выразитъ общее мнѣніе Россіи, мы или наши противники.... (*Рукоплесканія, сильный шумъ и крики: «Опубликуйте программу!»*)... Эти возгласы напоминаютъ мнѣ о важномъ вопросѣ, рѣшить который зависитъ отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, въ рукахъ котораго находится распоряженіе типографскими рабочими. Свобод-

ная Россія не можетъ обойтись безъ самаго широкаго оглашенія и обсужденія свѣдѣній, въ настоящую минуту интересующихъ всю Россію. Я надѣюсь, что завтра же удастся возстановить правильный выходъ органовъ прессы, отнынѣ свободной. Господа, я могъ бы перечислить и другіе пункты программы, но думаю, что тѣ, о которыхъ я упомянулъ, интересуютъ васъ главнымъ образомъ, а о другихъ вы узнаете скоро изъ печати. Голосъ мой охрипъ, мнѣ трудно говорить далѣе, позвольте на этихъ объясненіяхъ пока остановить мою рѣчь...»

Во время обсужденія Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціей Временнаго Правительства, въ засѣданіе Совѣта явился Керенскій и попросилъ слова для внѣочереднаго заявленія:

— Товарищи! — сказалъ онъ. — Я долженъ сдѣлать вамъ сообщеніе чрезвычайной важности. Товарищи, довѣряете ли вы мнѣ? *(возгласы на всѣхъ скамьяхъ: «довѣряемъ! довѣряемъ!..»*. Я говорю это товарищи отъ всей глубины моего сердца, я готовъ умереть, если это нужно. *(Въ залѣ сильное волненіе. Керенскаго привѣтствуютъ рукоплесканіями, превращающимися въ горячую овацію)*. Товарищи, въ настоящій моментъ образовалось Временное Правительство, въ которомъ я занялъ постъ министра юстиціи *(бурные апплодисменты)*. Товарищи, я долженъ былъ дать отвѣтъ въ теченіе пяти минутъ и потому не имѣлъ возможности получить вашъ мандатъ до рѣшенія моего о вступленіи въ составъ Временнаго Правительства.

Товарищи, въ моихъ рукахъ находились представители старой власти и я не рѣшился

выпустить ихъ изъ своихъ рукъ *(бурные апплодисменты, возгласы: «Правильно!»)*.

Я принялъ сдѣланное мнѣ предложенiе и вошелъ въ составъ Временнаго Правительства въ качествѣ Министра Юстицiи *(новый взрывъ апплодисментовъ)*. Немедленно по вступленiи на постъ министра я приказалъ освободить всѣхъ политическихъ заключенныхъ и съ особымъ почетомъ препроводить изъ Сибири сюда, къ намъ, нашихъ товарищей депутатовъ, членовъ соцiалъ-демократической фракцiи 4-й Думы и депутатовъ 2-й Думы *(бурные апплодисменты, переходящiе въ овацiю)*.—Освободжаются всѣ политическiе заключенные, не исключая и террористовъ...

Я занялъ постъ Министра Юстицiи до созыва Учредительнаго Собранiя, которое должно будетъ, выражая волю народа, установить будущiй государственный строй *(бурные апплодисменты)*. До этого момента будетъ гарантирована полная свобода пропаганды и агитацiи по поводу формы будущаго государственнаго устройства Россiи, не исключая и республики *(бурные апплодисменты)*...

— Товарищи, войдя въ составъ Временнаго Правительства, я остался тѣмъ же, кѣмъ былъ— республиканцемъ, — сказалъ далѣе Керенскiй.— Въ своей дѣятельности я долженъ опираться на волю народа. Я долженъ имѣть въ немъ могучую поддержку. Могу-ли я вѣрить вамъ, какъ самому себѣ? *(бурные возгласы: вѣрь, вѣрь, товарищъ!)*. Я не могу жить безъ народа и въ тотъ моментъ, когда вы усомнитесь во мнѣ, — убейте меня! *(Новый взрывъ овацiй)*.

— Я заявляю Временному Правительству, что я являюсь представителемъ демократiи,

но что Временное Правительство должно особенно считаться съ тѣми мнѣніями, которыя я буду отстаивать въ качествѣ представителя народа усиліями котораго была свергнута старая власть (*Апплодисменты, возгласы: «Да здравствуетъ Министръ юстиціи!»*).

— Товарищи, время не ждетъ! Я призываю къ организаціи, дисциплинѣ, прошу васъ поддержать насъ, вашихъ представителей, готовыхъ умереть во имя интересовъ народа и отдавшихъ ему всю свою жизнь!

Трудно передать энтузіазмъ, охватившій залъ засѣданія. Керенскому была устроена такая бурная овація, какой еще не видали, кажется, стѣны Таврическаго дворца.

И въ эту ночь Петроградъ не спалъ и волновался. Упоминаніе Милюковымъ о ненавистной династіи вызвало такой взрывъ возмущенія и негодованія, который не могъ не распространиться по всему городу. Опять всюду собирались кучки народа, на улицахъ происходили митинги, произносились горячія рѣчи. Настроеніе было страшно возбужденное и это возбужденіе уже не было похоже на тотъ радостный, восторженный подъемъ, который охватилъ весь Петроградъ въ первый день переворота и когда Петроградъ не спалъ и гудѣлъ точно пчельникъ всю ночь. Только опубликованная на утро программа правительства и заявленіе Милюкова, что онъ высказалъ лишь свое личное мнѣніе, произвели нѣкоторое успокоеніе умовъ. Но это еще разъ доказало неопровержимымъ образомъ, что пѣсенка династіи Романовыхъ спѣта. Царствованіе Николая II погубило ее.

Но когда Милюковъ произносилъ свою рѣчь, то манифестъ объ отреченіи царя въ пользу

наслѣдника былъ уже подписанъ. Только онъ еще не былъ извѣстенъ Думѣ. Военный министръ Временнаго Правительства Гучковъ и членъ Исполнительнаго Комитета Шульгинъ выѣхали въ Псковъ, чтобы склонить царя къ отреченію. Но они пріѣхали туда, вслѣдствіе разныхъ задержекъ, лишь къ десяти часамъ вечера. По предварительному соглашенію было рѣшено, что сначала они отправятся къ генералу Рузскому, а потомъ уже къ царю. Но ихъ перехватилъ на станціи какой-то свитскій генералъ и они попали прямо въ царскій вагонъ, не заходя къ главнокомандующему фронтомъ. Однако, бесѣда съ царемъ произошла въ присутствіи Рузскаго. Тутъ же находились бывшій министръ двора графъ Фредериксъ и оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, царь уже былъ сильно подавленъ полученными раньше свѣдѣніями и подписалъ свое отреченіе. Представитель Временнаго Правительства, не зная этого, сообщилъ ему подробности всего того, что произошло въ Петроградѣ въ послѣдніе дни и совѣтовалъ царю не посылать съ фронта эшелоновъ войска въ Петроградъ, такъ какъ всѣ прибывающія въ Петроградъ войска немедленно присоединяются къ возставшимъ.

— Временное Правительство, — сказалъ военный министръ, — уже отдало распоряженіе, чтобы всѣ, посланные въ Петроградъ эшелоны были возвращены обратно.

— Что же мнѣ дѣлать?—тихо спросилъ царь.

— Отречься отъ престола, — отвѣтилъ представитель Временнаго Правительства.

Разспросивъ еще кой о чемъ, царь проговорилъ:

— Мнѣ было бы очень тяжело разстаться со своимъ сыномъ. Поэтому я откажусь отъ престола въ пользу брата моего Михаила. Я подпишу отреченіе за себя и за сына.

Подавленное настроеніе царя, побудившее его отречься и за своего сына Алексѣя, спасло, быть можетъ, Россію и революцію отъ чрезвычайно большихъ осложненій. Но и передача престола Михаилу Александровичу тоже заключала въ себѣ немалыя опасности для только что совершившагося переворота. Во Временномъ Правительствѣ произошелъ расколъ. Меньшинство стояло за такую передачу, большинство же настаивало, чтобы этотъ спорный вопросъ былъ предоставленъ рѣшенію Учредительнаго Собранія. По счастью Михаилъ Александровичъ, выслушавъ ту и другую сторону, не рѣшился принять престолъ при существующихъ обстоятельствахъ. Онъ заявилъ, что у него не было бы никакихъ колебаній, если бы онъ зналъ навѣрное, что полезнѣе для блага Россіи, принятіе ли имъ престола или отреченіе отъ него? Тѣмъ труднѣе ему рѣшить, что ему извѣстно также, что по этому вопросу и въ самомъ Временномъ Правительствѣ нѣтъ полнаго единодушія. Поэтому онъ и возлагаетъ рѣшеніе этого вопроса на Учредительное Собраніе, которому и будетъ предоставлено право выразить волю народа относительно формы правленія и основныхъ законовъ Государства Россійскаго.

Отказъ Михаила Александровича принять въ свои руки верховную власть впредь до рѣшенія Учредительнаго Собранія въ значительной мѣрѣ способствовалъ улаженію возникшаго на этой почвѣ разногласія и между Совѣтомъ

Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и Комитетомъ Государственной Думы.

Разсказываютъ слѣдующія подробности объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ отреченію царя.

Въ ночь на первое марта оба царскихъ поѣзда прибыли на станцію Вишера. Царица вызвала телеграммой царя изъ ставки въ Царское село. Ни одна изъ телеграммъ Родзянко не была передана царю, около котораго находились только дряхлый старикъ графъ Фредериксъ, знаменитый пьяница адмиралъ Ниловъ и не менѣе знаменитый «генералъ отъ кувакеріи», дворцовый комендантъ Воейковъ. Всѣ они много пили и уговаривали царя пить, боясь, чтобы онъ не узналъ правды. Однако, возмущенный этимъ генералъ Цабель, командовавшій свитскимъ поѣздомъ, шедшимъ впереди, заявилъ Воейкову, что если они тотчасъ же не доложатъ государю обо всемъ, то онъ самъ пойдетъ къ нему, устранивъ ихъ силой, и скажетъ все. Воейковъ, испуганный угрозой, сказалъ, что сдѣлаетъ это самъ.

Царь въ это время спалъ. Ему сообщено было раньше, что въ Петроградѣ революціонеры, студенты и хулиганы взбунтовали молодыхъ солдатъ, которые, отправившись къ Государственной Думѣ, терроризировали депутатовъ, и Родзянко, подъ вліяніемъ Чхеидзе и Керенскаго, уступилъ. Въ настоящій моментъ городъ захваченъ чернью и вбунтовавшимися солдатами. Но это неопасно. Какихъ-нибудь четырехъ хорошихъ ротъ достаточно, чтобы разогнать ихъ.

Въ два часа ночи, когда оба поѣзда пришли на станцію Вишера, царь проснулся и, вызвавъ Нилова, спросилъ:

— А что дѣлается въ Петроградѣ?

— Большіе безпорядки, но не такіе, чтобы ихъ нельзя было подавить въ одинъ—два дня, — отвѣчалъ Ниловъ.

Въ это время въ вагонъ вошелъ Воейковъ и обратившись къ царю, сказалъ:

— Сейчасъ получена телеграмма, сообщающая, что изъ Могилева идетъ на станцію Дно поѣздъ, въ которомъ находятся 700 георгіевскихъ кавалеровъ. Этихъ доблестныхъ героевъ достаточно, чтобы ваше величество, окруженные этой славной свитой, могли бы явиться въ Царское село. Тамъ вы встанете въ главѣ вѣрныхъ вашему величеству войскъ царскосельскаго гарнизона и двинетесь въ Петроградъ къ Государственной Думѣ. Тамъ войска вспомнятъ царскую присягу и сумѣютъ справиться съ молодыми ослдатами и революціонерами...

Но какъ разъ въ этотъ моментъ вошелъ генералъ Цабель и прервалъ разглагольствованія Воейкова.

— Все это ложь, государь, васъ обманываютъ, — сказалъ онъ. — Вотъ телеграмма. Смотрите, она помѣчена: «Петроградъ, комендантъ Николаевскаго вокзала, поручикъ Грековъ». Вы видите, тутъ предписывается задержать на станціи Вишера царскій поѣздъ и отправить его не въ Царское село, а въ Петроградъ.

Царь вскочилъ и воскликнулъ:

— Что это?.. Бунтъ? Поручикъ Грековъ командуетъ Петроградомъ?..

— Ваше величество, — отвѣчалъ Цабель, — въ Петроградѣ шестьдесятъ тысячъ войска во главѣ съ офицерами уже перешли на сторону Временнаго Правительства. Ваше величество объявлены низложеннымъ. Родзянко объявилъ

по всей Россіи о вступленіи въ силу новаго порядка. Ѣхать впередъ нельзя, потому что на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ распоряжается депутатъ Бубликовъ.

Царь въ крайнемъ изумленіи растерянно воскликнулъ:

— Почему же мнѣ ничего не сказали раньше объ этомъ?. Почему говорятъ только сейчасъ, когда уже все кончено?

Однако, черезъ минуту онъ уже сказалъ какимъ-то спокойнымъ тономъ, въ которомъ звучала безнадежность.

— Ну, что-жъ! Поѣду въ Ливадію... Если потребуетъ народъ—я отрекусь. Поѣду въ свои сады, въ Ливадію... Я люблю цвѣты!

Цабель какъ то развелъ руками и, не сказавъ больше ни слова, ушелъ. Воейковъ вышелъ изъ вагона и приказалъ двигаться впередъ.

Но впередъ было нельзя идти. Смазчики испортили паровозъ свитскаго поѣзда и на исправленіе понадобилось полчаса.

Шестнадцать конвойцевъ, сопровождавшихъ царя, вышли изъ вагона, чтобы слѣдить, какъ бы не испортили второго паровоза. Наконецъ на разсвѣтѣ, 2-го марта, послѣдній царскій поѣздъ двинулся на станцію Бологое, чтобы во что бы то ни стало достигнуть Царскаго Села.

Недалеко отъ станціи Дно была получена телеграмма, что гарнизонъ Царскаго Села тоже перешелъ на сторону народа и покинутая войсками царица обратилась, черезъ коменданта царскаго дворца, къ Родзянко и Государственной Думѣ, съ просьбой оказать защиту царской семьѣ. Въ этой же телеграммѣ сообщалось, что весь гарнизонъ Петрограда находится во власти Думы и что къ Думѣ со всѣхъ сторонъ

стекаются войска и депутаціи. Прибавлялось также, что жандармскія и полицейскія власти признали уже новый порядокъ.

Царь немного призадумался, потомъ сказалъ:

— Поѣхать развѣ въ Москву?.. Мрозовскій говорилъ, что Москва всегда отстоитъ.

Но и эта надежда была разрушена новой телеграммой, сообщавшей, что московскій гарнизонъ цѣликомъ всталъ на сторону новаго правительства и всѣ власти арестованы. Въ Москвѣ не осталось никакихъ другихъ войскъ, кромѣ народныхъ.

И вотъ царскій поѣздъ началъ метаться отъ станціи Дно до станціи Бологое и обратно, тщетно стараясь прорваться куда-нибудь. Наконецъ, на станцію Дно пришелъ поѣздъ генерала Иванова, который и доложилъ царю обо всемъ, что произошло въ столицѣ.

— Революціонеры захватили въ свои руки власть, — сказалъ онъ. — Теперь единственное спасеніе — ѣхать въ армію.

Увѣряютъ, будто Воейковъ воскликнулъ при этомъ:

— Теперь остается одно: открыть нѣмцамъ минскій фронтъ. Пусть германскія войска придутъ сюда для усмиренія этой сволочи!

Какъ ни былъ пьянъ адмиралъ Ниловъ, но онъ все таки возмутился и возразилъ:

— Врядъ ли это удобно. Вѣдь они заберутъ Россію и потомъ не возвратятъ,

Но Воейковъ спорилъ, увѣряя, что Вильгельмъ воюетъ не съ царемъ, а съ Россіей, питающей противодинастическія стремленія.

— Да, объ этомъ много разъ говорилъ Григорій Ефимовичъ (Распутинъ), — сказалъ

царь, — но мы его не слушали. Это можно было сдѣлать еще тогда, когда германскія войска стояли подъ Варшавой. Но я никогда не измѣнилъ бы русскому народу!

Сказавъ эти слова, царь заплакалъ, но затѣмъ прибавилъ:

— Только бы уцѣлѣли въ рукахъ этихъ мужиковъ дѣти и жена. Я бы уѣхалъ съ ними въ Ливадію и тамъ мирно доживалъ бы свой вѣкъ. А Михаилъ пусть управляетъ, какъ знаетъ. Кстати его и любятъ...

Получивъ отъ царя актъ отреченія, делегаты Временнаго Правительства уѣхали изъ Пскова въ Петроградъ, а затѣмъ и царь направился въ Могилевъ и Минскъ, на фронтъ главнокомандующаго Эверта. Царь заявилъ, что онъ хочетъ проститься съ солдатами и, какъ это ни странно, что революціонное правительство допустило низверженнаго монарха вернуться къ арміи, бывшей, всего лишь за нѣсколько часовъ до этого, подъ его верховнымъ командованіемъ, но царю никто не препятствовалъ исполнить свое желаніе. Въ сущности, бояться тутъ было нечего. Армія на фронтѣ уже вся подняла красный флагъ и восторженно привѣтствовала государственный переворотъ. Царь уже сжегъ свои корабли и именно посѣщеніе фронта должно было его убѣдить, что возврата къ старому нѣтъ. Его привѣтствіе солдатамъ осталось почти безъ отвѣта, а слова: «Прощайте, братцы!» были встрѣчены оглушительнымъ «ура».

Итакъ свершилось! Рухнуло вѣковое зданіе русскаго самодержавія, — рухнуло и разсыпалось въ прахъ. Самый переворотъ совершился такъ быстро и такъ гладко, что это поразило всѣхъ. Жертвъ сравнительно было не такъ много

и свою разрушительную работу революція совершила съ головокружительной быстротой. Ясно, что полицейское зданіе самодержавія сгнило до основанія, когда ему былъ нанесенъ послѣдній ударъ. Кучка бездарныхъ, упрямыхъ и своекорыстныхъ людей окружала престолъ, покинутый всѣми живыми силами страны. Не было никого кромѣ продажной полиціи, чтобы поддержать его, когда онъ зашатался. Вѣдь въ первые дни революціи, до своего низложенія, царь еще свободно разъѣзжалъ по желѣзнымъ дорогамъ, хотя уже раздавались раскаты приближающейся грозы. И несмотря на это, ни одна рука не поднялась для защиты его власти, никто не интересовался его судьбой и не нашлось войска, которое бы стало грудью защищать его! Русская монархія пала и вокругъ нея образовалась пустота. Между нею и народомъ давно уже существовала глубокая пропасть и это рѣшило ея судьбу...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Побѣдное шествіе революціи.

Многое изумляетъ въ русской революціи, и больше всего то, какъ быстро она распространилась по всей Россіи, не вызвавъ при томъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, никакого кровопролитія. Точно всѣ дѣйствовали по заранѣе обдуманному плану. На мѣсто рухнувшей полицейской власти, въ городахъ и деревняхъ, быстро стала образовываться новая власть. Все обыкновенно начиналось собраніями, митингами. Собранія эти выбирали Исполнительный Комитетъ. Этотъ комитетъ становился комитетомъ безопасности. И дѣйствія всѣхъ комитетовъ, почти вездѣ, были прежде всего направлены къ упраздненію ненавистной и продажной полицейской власти и къ замѣнѣ ея милиціей.

Разумѣется, дѣло не обошлось безъ треній и недоразумѣній. Быстрота побѣдоноснаго шествія революціи много зависѣла отъ чисто географическихъ условій, отъ дальности разстоянія той или другой мѣстности отъ революціоннаго центра—Петрограда. Иногда тутъ играли роль и личныя качества представителей старой власти. Упорное сопротивленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ

являлось порой поводомъ къ нежелательнымъ, буйнымъ поступкамъ толпы, какъ-то было, напримѣръ, въ Твери, гдѣ былъ убитъ губернаторъ, извѣстный какъ чрезвычайно ярый реакціонеръ, преслѣдовавшій всякое проявленіе общественной дѣятельности.

Въ Москвѣ, генералъ Мрозовскій, попытался было сопротивляться въ началѣ. Но когда въ Петроградѣ образовался Исполнительный Комитетъ Государственной Думы, взявшій власть въ свои руки, то генералъ растерялся. Онъ объявилъ о своемъ подчиненіи Временному Правительству, но это не помогло, его все таки смѣстили и арестовали, а власть передали предсѣдателю Московской земской управы, подполковнику Грузинову.

Революція въ Москвѣ обошлась почти безъ кровопролитія. Можно отмѣтить лишь два случая кровавыхъ столкновеній, происшедшихъ 1-го марта. Одно произошло между солдатами, присоединившимися къ революціи и не присоединившимися къ ней. Убитыхъ было два, раненыхъ четыре. Другое столкновеніе произошло на Яузскомъ мосту, гдѣ въ толпу рабочихъ врѣзался отрядъ полиціи. Убиты были: рабочій, помощникъ пристава и городовой.

Около пяти часовъ дня, перваго марта, надъ Москвой показался аэропланъ. Онъ парилъ высоко въ воздухѣ и около одного изъ его крыльевъ развѣвался красный флагъ. Это былъ первый революціонный аэропланъ въ Россіи.

Конечно, чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ позднѣе достигали извѣстія о свершившемся переворотѣ. И во многихъ мѣстахъ эти извѣстія вызывали недовѣрчивое отношеніе. Пока это были только слухи, старыя власти принимали

обычныя мѣры противъ ихъ распространенія. Выходили иной разъ курьезныя недоразумѣнія. Старая власть запрещала печатаніе телеграммъ и извѣстій изъ Петрограда. Не первый разъ въ Петроградѣ бунтуютъ рабочіе! И каждый изъ нихъ вспоминалъ кровавый 1905-й годъ...

Вспоминали его и тѣ, которые разочаровывались въ возможности русской революціи, которые пережили страшные дни господства полевыхъ судовъ и Столыпинскихъ казней. Они не могли повѣрить въ близость революціи.

Не скоро дошли извѣстія въ захолустные углы россійскаго государства, но когда наконецъ революціонные раскаты донеслись и туда, когда о переворотѣ заговорили газеты, сбросившіе съ себя узду молчанія, то многіе все еще боялись вѣрить и робко спрашивали другъ друга:

— А какъ вы думаете, возврата не будетъ?

Нѣтъ, возврата къ старому не будетъ. Онъ невозможенъ. Изъ той гнили, которая осталась послѣ рухнувшаго зданія монархіи, нельзя соорудить новаго зданія. Вѣдь даже не осталось и развалинъ, которыя можно было бы починить, подмазать! Надо соорудить новое зданіе, изъ новаго матеріала, и врядъ ли въ той Россіи, которая родилась въ ночь на 28-ое февраля, при заревѣ горѣвшихъ полицейскихъ зданій, можно найти достаточное количество матеріала для сооруженія новаго монархическаго зданія.

Но не надо обманывать себя. Разрушительная работа была легка, но творчество будетъ медленное, трудное. Не надо забывать тяжелаго наслѣдія, оставленнаго монархіей, страшной повсемѣстной разрухи, войны и голода, который надвигается... Какъ много и долго надо

работать, чтобы наладить все! Какъ единодушно надо трудиться, чтобы вывести Россію на широкій путь! Она освободилась отъ кандаловъ, которые такъ долго влачила, но измученная, истерзанная, окровавленная и обезсиленная не можетъ двинуться дальше...

Передъ моими глазами проносятся картины великихъ дней революціи. Я вспоминаю ту великую ночь, когда родилась русская свобода и я вѣрю, твердо вѣрю, что народъ, нашедшій въ себѣ силу совершить великій революціонный подвигъ, — подвигъ самоотреченія во имя общаго дѣла, найдетъ въ себѣ силу довести его до конца. Организація въ странѣ новой, народной власти, дѣйствительно выражающей народную волю, налаживаніе разстроенной хозяйственной жизни, — вотъ первыя и самыя настоятельныя задачи русской революціи. И отъ ихъ скорѣйшаго выполненія зависитъ прочность всѣхъ великихъ пріобрѣтеній революціи.

Не надо закрывать глаза на то, что освобожденной Россіи грозятъ большія опасности,— опасности, съ которыми ей придется долго и упорно бороться. Мало было крикнуть: «да зравствуетъ свобода!». Надо вѣдь не только осуществить, но и закрѣпить ее. Да и въ самой свободѣ скрыта опасность. И все таки я скажу словами одного французскаго писателя: «Если бы всѣ опасности были въ свободѣ, а все спокойствіе въ рабствѣ, — я предпочелъ бы свободу, потому что свобода—жизнь, а рабство—смерть!»

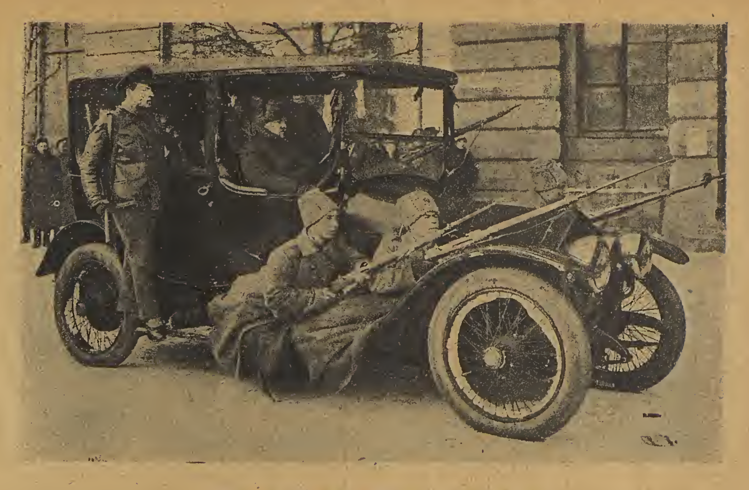
Невскій проспектъ, у Гостинаго Двора.
Первыя толпы возставшаго народа утромъ 28 февраля.

Баррикады у Арсенала на Литейномъ проспектѣ.

Митингъ передъ Таврическимъ Дворцомъ.

Революціонный патрульный автомобиль.

Милиція и солдаты обстрѣливаютъ домъ, въ которомъ засѣли полицейскіе съ пулеметами.

Студепты-милиціонеры и солдаты ведутъ переодѣтыхъ полицейскихъ.

Революціонныя войска по пути къ Государственной Думѣ.

Революціонныя войска петроградскаго гарнизона у Государственной Думы (Таврическаго дворца).

Зданіе Охраннаго Отдѣленія на Петроградской сторонѣ послѣ разгрома.

Зданіе Литовскаго Замка (исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій).
на Крюковомъ каналѣ, послѣ разгрома.

Разгромленное зданіе полицейскаго участка
(Московской части).

Ставка

Начальнику Штаба.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ.
2 Марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Министръ Императорскаго Двора
Генералъ Адъютантъ Графъ Фредерикъ

Николай

Факсимиле отреченія отъ престола Николая II.

Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мнѣ Императорскiй Всероссiйскiй Престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненiй народныхъ.

Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслiю, что выше всего благо Родины нашей, принялъ Я твердое рѣшенiе въ томъ лишь случаѣ воспринять Верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованiемъ, черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собранiи, установить образъ правленiя и новые основные законы Государства Россiйскаго.

Посему, призывая благословенiе Божiе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россiйской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшiй срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованiя, Учредительное Собранiе своимъ рѣшенiемъ объ образѣ правленiя выразитъ волю народа. — Михаилъ

3/III — 1917
Петроградъ.

Факсимиле отреченiя Михаила.

РЕВОЛЮЦІОННОЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПЕРВАГО СОСТАВА.

Князь Г. Е. Львовъ.
Предсѣдатель Совѣта Министровъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ

П. Н. Милюковъ.
Министръ Иностранныхъ Дѣлъ.

А. Ф. Керенскій.
Министръ Юстиціи.

Н. В. Некрасовъ.
Министръ Путей Сообщенія.

А. И. Коноваловъ.
Министръ Торговли и Промышленности.

Проф. А. А. Мануйловъ.
Министръ Народнаго Просвѣщенія.

А. И. Гучковъ.
Военный и Морской Министръ.

А. И. Шингаревъ.
Министръ Земледѣлія.

М. И. Терещенко.
Министръ Финансовъ

И. В. Годневъ.
Государственный Контролеръ.

В. Н. Львовъ.
Оберъ-прокуроръ Св. Синода

Ф. И. Родичевъ.
Министръ по дѣламъ Финлянд..

№ 12 Цѣна 1 р. 50 к.

Вышли изъ печати:

№ 1. **В. Сутуло.** Что нужно знать объ Учредительномъ Собраніи, цѣна 25 коп.

№ 2. **И. Ильинскій.** Государствен. строй Англіи, ц. 30 к.

№ 3. **И. Ильинскій.** Государствен. строй Франціи, ц. 30 к.

№ 4. **И. Ильинскій.** Государствен. строй Соед. Штат. Амер., ц. 35 к.

№ 5. **Алек. Чацкій.** Ленинъ и его программа (критика ленинизма), цѣна 40 коп.

№ 6. **Алек. Чацкій.** Партія народной свободы и демократія (критика программы партіи), цѣна 50 коп.

№ 7. **М. Л. Хейсинъ.** Профессіональные союзы, ц. 1 р. 25 к.

№ 8. **Толковый словарь политическихъ названій и словъ,** цѣна 1 руб.

№ 9. **Ивановъ-Разумникъ.** За что воюютъ великія державы, цѣна 40 коп.

№ 10. **Б. С. Дыньникъ.** Строительство новой Россіи, ц. 75 к.

№ 11. **С. Е. Поповъ.** Трэдъ-юніоны и рабочее движеніе въ Англіи, цѣна 60 коп.

№ 12. **Э. К. Пименова.** Дни великаго переворота. Очерки Великой Русской революціи. (Съ иллюстраціями), ц. 1 р. 50 к.

№ 13. **И. Ильинскій.** Государственный строй Швейцаріи ц. 40 к.

Печатаются:

№ 14. **Вернеръ Зомбартъ.** Буржуа (сокращ. переводъ).

№ 15. **Жоресъ.** Этюды по соціализму.

№ 16. **Лили Браунъ.** Женщина и политика.

№ 17. **В. П. Гайдебуровъ.** Земля для землеѣльцевъ.

№ 18. **С. О. Загорскій.** Финансовая политика демократіи.

№ 19. **Р. Григорьевъ.** Чего хотятъ соціалъ-демократы (общедоступное изложеніе программы Российск. Соц.-Дем. Рабочей Партіи).

№ 20. **Вернеръ Зомбартъ.** Любовь, роскошь и капитализмъ, (сокращ. переводъ).